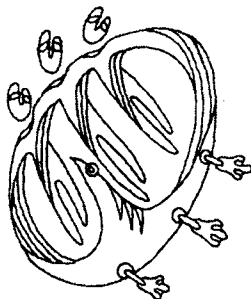

Российская академия наук
Уральское отделение
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Фольклорная комиссия вузов России
Удмуртский государственный университет
Факультет удмуртской филологии
ГУК «Республиканский дом народного творчества – Дом молодежи»

Традиционная культура в изменяющемся мире

Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста
и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора»
(Ижевск, 19–21 июня, 12–13, 15 ноября 2009 г.)

Ижевск
2009

УДК 39

ББК 82.3 (2 Рос) = Удм. + 63,5 (2)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Президиума Уральского отделения РАН

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН

Ответственные редакторы: д.ф.н. *Т. Г. Владыкина*, член-корр. РАН *В.М. Гацак*
Редакционная коллегия: к. хим. н. *О.Ю. Гончаров*, *Е.В. Ложкина*,
Я.М. Мелляхматова, *Д.Л. Корнилов*

Рецензент – *Т.С. Канева*, кандидат филологических наук, доцент,
руководитель Центра фольклорных исследований
Сыктывкарского государственного университета

Традиционная культура в изменяющемся мире: Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора» (Ижевск, 19 – 21 июня, 12 – 13, 15 ноября 2009 г.) / Отв. редакторы *Т.Г. Владыкина*, *В.М. Гацак*; УИИЯЛ УрО РАН – Ижевск, 2009. – 278 с.

Traditional Culture in the Changing World: Papers of the VIII -th International School of young Folklorists “Traditional Culture in the Changing World» and the Seminar “Permistika: Language and Style of the Folklore” (Izhevsk, June 19–21, November 12–13,15). Compiled and edited by *T. G. Vladykina*, *V. M. Gacac*. – Izhevsk, 2009. – 278 p.

ISBN 978-5-7691-2117-3

Сборник посвящен проблемам бытования и трансформации видов и форм традиционной культуры в современных условиях.

Издание снабжено DVD-приложением, дополняющим статьи иллюстрациями, фото- и видеоматериалами. Электронный ресурс отражает новые возможности презентации традиционной культуры, демонстрирует неиссякаемость ее потенциала в научной и творческой сферах.

Издание предназначено для широкого круга читателей, как специалистов (фольклористов, этнологов, культурологов и др.), так и всех интересующихся традиционной культурой.

This collection of papers deals with the problems of existing and transforming traditional culture forms in contemporary conditions.

It is supplied with the appendix on DVD consisting photos, videos, illustrations. This electronic recourse reflects new opportunities of the traditional culture presentation, demonstrates its potential in scientific and creative fields. The edition is addressed to the wide range of readers such as specialists (folklorists, ethnologists ...) so the other, who interested in traditional culture.

ISBN 978-5-7691-2117-3

УДК 39

ББК 82.3 (2 Рос) = Удм. + 63,5 (2)

© Авторы статей

© УИИЯЛ УрО РАН

© К. Галиханов. Графика, 1998

Терминология удмуртского ряженья

Имеющийся в нашем распоряжении фольклорно-этнографический и лингвистический материал позволяет сказать, что в удмуртском языке имеется несколько определений ряженья (*пӧртмаськон*, *вожояськон*, *пензаськон*, *чокморскон*). Самым распространенным и наиболее употребимым в настоящее время является термин *пӧртмаськон*, другие же ярко характеризуют конкретные локальные традиции и указывают на календарную приуроченность.

Термин *пӧртмаськон*, обозначающий осеннее и зимнее ряжение, образовался от глагола *пӧртмаськыны* – «маскироваться, рядиться, представляться (о привидении)» [1: 227], «видеться, млиться, изображать, рядиться, скоморошничать» [3: 53]) и восходит к общеперм. **pört* – «меняться (в цвете и т.д.)» [7: 229]. Лингвисты полагают, что от общепермской праосновы ведут происхождение коми-слова *пӧртмасьны* – «отливать, переливаться», *пӧртны* – «превращать, обратить, оборотить». По мнению финского ученого Т. Е. Утилы, коми-слова *пӧрны* – «превратиться», *пӧртны* – «превращать, обратить» и *пӧртмасьны* – «отливать, переливаться» находятся в одном семантическом гнезде [Там же]. На наш взгляд, в родственных с ними отношениях находятся и удмуртские глаголы *пӧртманы* – «наговаривать (на кого-либо), переименовать, переименовывать» [11: 355], *пӧртэманы* – «разнообразить», *пӧртэм* – «разный, различный». Словоформа *пӧртмаськыны* образовалась от этой основы с помощью возвратного суффикса со значением «переименовывать себя», «перевоплощать себя». Любопытно, что в удмуртской лексике среди многочисленных обозначений жанра загадки встречается термин *пӧртман*, *пӧртман кыл* – «сочинение» [8: 10] от «сочинять, переименовывать слова». В данном случае этот термин воспринимается не просто как «создание/сочинение» определенного текста, в его семантике имеется смысл «сокрытия» чего-либо. Таким же термином в удмуртском языке обозначается и другой фольклорный жанр – сказка.

Итак, по данным родственных удмуртскому языков можно предположить, что производные от общеперм. **pört* употребляются для обозначения действия, связанного с изменением, перевоплощением, превращением.

По мнению Т.Г. Владыкиной, слово *пӧртмаськон* имеет тесную связь со словом *орт/урт* (душа, живущая вне тела человека или умеющая покидать его при определенных обстоятельствах: во сне, во время болезни, при сильном испуге), так же как и в других финно-угорских культурах (коми, обские угры) [3: 53]. Под влиянием других культур слово *урт* практически вышло из употребления, но его значение осталось в удмуртских обрядах *урт кутон* (букв.:

«поймать, ловить «душу»), *уртсэ кисьтон* (букв.: «вылить/вливать душу»), которые устраивались во время болезни человека. Анализируя удмуртские *лул/урт* – «душа» и коми – *лол/орт* «душа», финский исследователь У. Хольмберг приходит к выводу о равенстве значений *ишан* = *лул* (букв.: «привидение = душа») [Цит. по: 12: 6-7]. В лексике завятских удмуртов до настоящего времени сохранилось выражение *урт потыны* – «очень сильно испугаться», букв.: «душа вышла» (ср. рус. фразеологизм: «душа ушла в пятки»), и глагол *урт-саськыны* в значении «млиться, видеться», где очевидна связь между представлениями о душе, ее перевоплощении, о ее видимых и невидимых проявлениях.

Исходя из этих значений, можем предположить, что *пöртмаськон* – не только перевоплощение с помощью масок, олицетворяющих потусторонний мир, но и своеобразная модель связи двух миров.

Следующий термин, обозначающий ряженье, – *вожояськон* (от *вожояськыны* – «уподобиться вожо»; «статься вожо, быть похожим на вожо») – локализован на территории проживания северных удмуртов и обозначает определенное время ряженья – зимнее (святочное).

Удмуртское слово *вожояськыны* образовалось от основы *вожо-*. Еще исследователи XIX века (Н. Первухин, Г. Верещагин) обратились к этому термину и попытались объяснить этимологию данного слова. Они считали, что вожо является производным от слова *вож* – «зеленый, молодой». Такого же мнения придерживался и Т. Борисов, определяя *вожо* как «дух, божество зелени», а *вожодыр* – «время духа зелени» [1: 57]. Современные исследователи возводят вожо к общеперм. **vęža* «святой, освященный, священный» [7: 50]. Следовательно, *вожодыр* первоначально обозначало «священное, запретное время: в этот период запрещалось производить работы определенного вида» [7: 50]. На наш взгляд, этот ряд могут дополнить следующие удмуртские слова и выражения, имеющие тот же самый корень: *вожаны* – «ревновать», *вожпотыны* – «гневаться, злиться». Следуя аналогии, глаголы обозначают особое (переходное) психофизическое состояние человека. Составители коми-этимологического словаря предполагают, что общепермская основа **vęža* «святой, освященный, священный» образовалось от существительного *vęž* («зеленый, желтый > горький») с помощью суффикса *-a*. От корня *vęž-* развилось значение «зависть, страстное желание, ненависть, злоба, гнев»; первоначальное значение *vęža* «греховный, вызывающий гнев, запретный, недозволенный» > «священный, святой» (ср. коми *веж* «зависть», ф. *viha* «гнев, вражда, злоба») [7: 49–50].

Очевидно, удмуртский и коми-термины *вожо/вежа* изначально имели общий смысл и корень от общеперм. **vęž-*, обозначающего перемену.

Более архаичная семантика понятия корня *вож/выж/вош* сохранена в удмуртской культуре и является основным содержанием ряда слов: *сюресвож*

– «перекресток», *выж/выжон* – «мост, переход», *воштиськон* (*вожтиськон*) – «изменение, переодевание». Другими словами, данный корень обозначает переходное состояние в жизни людей и в календарном году. Идея перехода, изменения сохранена в основном годовом ритуале, приуроченном к периоду зимнего солнцестояния (*вожодыр*), т.е. кризисному, переломному времени календарного цикла, когда и происходит ряжение (*вожояськон*). Но в то же время смысл святочного периода усугубляется вторжением в земное пространство злых духов вожо, которые в верованиях удмуртов ассоциируются с душами умерших предков, духами переходного времени природы и жизни человека, олицетворяют нечистую силу, зло потустороннего мира (см. об этом: [2: 31; 4: 86; 6: 127; 9: 245]).

Наряду с вышеназванными определениями в удмуртской традиции встречается термин *чокморскон*, которым обозначено летнее ряжение во время обряда *бусы сюан* («свадьба поля») в отдельных локальных традициях. Значение этого термина нами уже рассматривалось, поэтому здесь приведем лишь выводы, к которым мы пришли. Анализ лингвистических и мифологических основ этого понятия позволяет предположить, что чокмор является производным от слова *чек/чеке*, которое обозначает иноговорение, воспринимаемое в народном представлении как одна из возможностей контактирования с душами умерших предков. Древняя же семантика слова чокмор сохранила представление о душе умершего предка, «пришельца» с того света, который появлялся в мире живых в определенные календарные периоды [5: 150–153].

Еще один термин, обозначающий зимнее (святочное) ряжение, – *пензаськон* (от глагола *пензаськыны* – «рядиться, надевать личину/маску, безобразничать, дурачиться» [10: 236]) – распространен на территории Шарканского района. Значение данного слова учеными-лингвистами специально не исследовалось. Народная этимология связывает понятие *пензаськон* со словом *пень* – «зола, пепел», то есть напрямую отражает конкретный способ ряжения, один из более характерных и часто употребляемых его приемов – чернение лица золой/сажей. Ср. в связи с этим удмуртское выражение *суам бам* – «вымазанное сажей лицо» по отношению к непорядочному, бессовестному человеку, ставшее устойчивым благодаря ритуальной практике.

Однако если исходить из того, что в вышеозначенных терминах одним из основных смыслов является изменение, перевоплощение, то значение термина *пензаськон* нужно, по-видимому, искать в другом семантическом поле. В этих поисках мы обращаемся к названию мелкой рыбешки *пенькыли* «гольян», которое содержит основу *пень-*, но именно здесь эта основа связана с идеей перевоплощения: самка мелкой рыбешки в период размножения меняет свой цвет, из серой становится красной, преобразовывая, изменяя свою внешность для принятия «правил игры», подавая таким образом сигнал о готовности «вступления в игру» в брачный период. В связи с этим термин *пен-*

жаськон от производного *пенжаськыны* — «рядиться, надевать личину/маску, безобразничать, дурачиться, беситься», на наш взгляд, находится в едином смыслово-семантическом поле с глаголом *шудыны*, мифопоэтическая основа которого, по мнению Т.Г. Владыкиной, заключается в значении «играть, общаться/контактировать, воспроизводить/ порождать/рождать» [3: 59]. Термин *пенжаськон*, таким образом, указывает не только на конкретное действие, приём ряженья, но и раскрывает основную идею ряженья как одного из способов контактирования, общения этого и потустороннего миров в кризисные моменты годового кругооборота, возрождения нового периода жизни.

Терминология ряженья удмуртов дает возможность раскрыть его сущность. Удмуртская лексика сохранила основную идею ряженья — связь с потусторонним миром, с душами умерших предков, идею перерождения, перевоплощения с помощью ряженья, а также обозначение обряда ряженья как одного из типов обрядовой игры.

Литература

1. Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. Ижевск, 1991.
2. Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края. СПб, 1886.
3. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.
4. Гаврилов Б. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урьясь-Учинского прихода // Тр. IV Археологического съезда в России. Казань, 1891. С. 80–156.
5. Глухова Г.А. К этимологии слова «чокмор» // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. статей / Отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2004. С. 150–153.
6. Емельянов А.И. Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921.
7. КЭСК: В.И. Лыткин, Е.С. Загуляева. Краткий этимологический словарь коми языка / Под ред. профессора В.И. Лыткина. Переизд. с доп. Сыктывкар, 1999.
8. Перевозчикова Т.Г. Об удмуртской народной загадке // Загадки / Сост. Т.Г. Перевозчикова. Ижевск, 1982. С. 5–39.
9. Плетнева И.Н. К семантике удмуртского вожо // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск, 1999. С. 245–250.
10. УРС: Удмуртско-русский словарь / Сост. В.М. Вахрушев, К.Л. Корепанова.... М., 1948.
11. УРС: Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. М., 1983.
12. Хольмберг У. Перм калыкъёслэн осконъёсы // Пер. С. Максимова // Инвожо, 2001. № 1-2. — С. 3–9.